

"Судьба — это не то, что предначертано, это то, что ты сам выбираешь"*

Так написал Володя Миненко в небольшом тексте, последнем тексте, который мы опубликовали в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская", № 31, написал, думая о Кире Муратовой, но, мне кажется, объясняя и свою судьбу.

Сегодня можно задаваться вопросом, кем мог быть, мог стать Владимир Миненко — прозаиком, поэтом, графиком, книжным дизайнером... Володя выбрал судьбу-предназначение, он, влюбленный в коллажи, всего себя отдавал книгам своих друзей. Я бы назвал их авторскими книгами, так как его оформление было не менее интересным, чем тексты, несло образ художника, приоткрывало его личность.

Мы встречались много раз, говорили о том, что иллюстрация отживает свой век, что книга должна стать предметом искусства. И меня радовало, что эти мысли не оставались словами, что оформленные Миненко книги действительно можно было показывать на выставках.

Где мы встречались? Очень часто просто на улице, на Академика Филатова, в последнее время в мастерской Валерия Сырова. Я знал книги, написанные Г.Я. Лазаревой и В. Миненко, понимал, что в коллективном труде сложно выделить творчество каждого из соавторов. Но однажды Володя прочитал мне свои стихи — светлые, прозрачные, убеждающие, что он поэт милостью Божьей...

— Почему бы тебе не сосредоточиться именно на этом, на стихах? — спрашивал я Володю. Он смущенно улыбался, говорил, что стихи рождаются сами — это вдохновение свыше, а оформление книги — работа, профессиональная работа.

И все же как-то Володя попросил разрешения принести несколько стихотворений, чтобы опубликовать их в альманахе. Я был рад этому предложению. И все его принесенные тогда стихи увидели свет, думаю, нашли благодарных читателей.

А впрочем, со стихами у нас и до этого была интересная история. Есть книги, биографию которых удастся, к счастью, проследить чуть ли не от издательства. Так было с томиком Бориса Пастернака, который сейчас

* Глава из коллективной книги о Володе Миненко, которая, я надеюсь, выйдет в этом году.

в моей коллекции. Когда-то эту книгу со своим автографом Борис Пастернак подарил литературоведу Леониду Боровому, тот передал ее своему брату — известному одесскому историку Сауду Яковлевичу Боровому. Я увидел ее впервые в коллекции автографов Бориса Яковлевича Левых. Шли годы. Не стало Бориса Яковлевича. Достоинно распорядилась его наследием Галина Яковлевна Лазарева, многие книги подарив библиотекам, а часть продав, чтобы поддержать вдову коллекционера. А одну, вот эту, с автографом Пастернака, подарила своему другу и соавтору Владимиру Миненко. При очередной встрече я спросил Володю, не обменяет ли он эту книгу на какой-либо другой автограф, так как некоторые авторы у меня представлены "двойниками".

Ни на секунду не задумавшись, Володя сказал: "Считай, что книга твоя. Я ведь не коллекционер автографов, а Пастернак у меня хорошо представлен". Мне лишь осталось через две-три недели подарить Миненко сборник Марины Цветаевой и получить "книгу с биографией".

Что в нем подкупало? Интеллигент и интеллектуал, мягкий, добрый, открытый человек.

А теперь о самом последнем разговоре. Он состоялся в 2007 году, в мастерской Валерия Сырова. Мы пили крепкий кофе, сваренный Валерием, и говорили о фигуративном и абстрактном искусстве. Володя задумался, а потом сказал: "А для меня нет никакой разницы. Лишь бы билось живое человеческое сердце — в холсте, в рисунке, в книге... Абстрактное, реалистическое — главное, чтоб живое".

Вот в этом, в поиске живого, свою судьбу он выбрал сам. В каждой его книге бьется живое человеческое сердце.

